
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ

А.И. Хотинская, Г.А. Хотинская

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены игровые модели мультилингвизма, познавательные ценностные аспекты игры в педагогике и практике преподавания иностранных языков, обобщен уникальный опыт великих переводчиков как билингов, так и мультилингвов. Рассмотрена теория кайротопа и хронохора и ее значение для производства игровых смыслов. Затронуты важные проблемы лингвистики, риторики, культурологии и литературоведения и игровые механизмы читателя-интерпретатора, а также важные аспекты мировой семиотики.*

***Ключевые слова:** педагогика, язык, культура, билингвальность, эвокация, мультилингвизм, праксеология, означение, интерпретация, игры.*

Людвиг Витгенштейн положил научное осмысление языковой игры, рассмотрев язык как средство конструирования, а не отображение мира. «Говорение на языке — это часть деятельности, способ существования»¹.

В языковых играх Витгенштейн видел целостные и законченные системы коммуникации. Витгенштейн подразделял языковые игры на исходные лингвистические формы.

Культура постмодерна активизирует игровую проблематику. Ж. Бодрийяр заложил фундамент социально-критической теории языковой игры как знака. В работе «Зеркало производства» (1973) французский ученый через анализ экономического, психо-аналитического и лингвистического дискурсов как игровых маскировок, пытающихся завуалировать амбивалентность жизни и смерти, противопоставил производство — одариванию, желание — «инстинкту смерти», смысл — «анаграммам», сделав ставку на «обратимость» дара в одаривании, обмена в жертву, времени — в цикл, производства — в разрушение, обнаружил во всех сферах обратимость и аннулирование. Выделив три стадии социальной истории и вытеснения смерти, а также три строя симулякра как видов порядка с параллельными видоизменениями закона стоимости, подделку социального с ее метафизикой бытия и видимости от Ренессанса до промышленной революции, производство социального с его диалектикой труда и законов природы, симуляцию социального с ее кибернетикой неопределенности и кода, Бодрийяр описал модели симулякров,

не основанные «ни в какой иной реальности, кроме их собственной, представленной как мир самореференции». Бодрийяр объяснил, как симуляция выдает отсутствие за присутствие, смешивая всякое различие реального и воображаемого. Игра, как знак, по Бодрийяру проходит четыре стадии развития: 1 — отражение некоей глубинной реальности; 2 — маскировка и извращение этой реальности; 3 — маскировка отсутствия всякой глубинной реальности; 4 — утрата всякой связи с реальностью, переход из строя видимости в строй симуляции. Совращение проходит три стадии: ритуальную (церемония), эстетическую (совращение как стратегия соблазителя) и политическую. Картина постисторической гиперреальности представлена в его работе «Фатальные стратегии» (1983), где подчеркнуто: «Вселенная недиалектична, движется к крайностям, а не к равновесию». Отрицая принцип Добра и подчиняясь ироничному и аморальному принципу Зла, Ж. Бодрийяр рассматривал гиперфункциональные симуляции, порождающие присутствие удвоений, присутствия как реальности воображения, как «тучность» объекта, перестающего быть самим собой и «ставшего непристойным». Рассмотрев «игровые экстазы» и социальное безмолвие «черных дыр», Бодрийяр искал способы ускользания от всевластия «социальных кодов»².

Мишель Фуко выделил три эпистемы, или познавательных поля: Возрождение, классический рационализм и современность через соотношение слов и вещей. Он различал типы власти, порождающие и саму реальность, и объекты познания, и «ритуалы»

---

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 56.

² Baudrillard J. La system des objrts. 1968. P. 19; Simulacres. 1968. P. 129.

их постижения. Фуко заложил идеи «Группы информации о тюрьмах», оказавших огромное влияние на конкретно-социологические и политические движения и исследовательские разработки в ряде европейских стран через «игровые технологии» «археологии знания», заострив вопрос о свободном поведении морального субъекта в эстетике существования как морали конкретного поступка в таких работах, как «Забота о себе» (1984) и «Пользование наслаждением» (1984). Рассмотрев разнообразные игровые «само-техники» в разные эпохи в сравнении со стратегиями государственной власти, Фуко подчеркнул интеллектуальное достоинство объективного и не антропоморфного знания, оценив меру социальной заданности самого человека, не отрицая шансов на «самоизобретения», которые человек, оставаясь человеком, никогда не должен терять³.

Жак Деррида в особой игровой стратегии «деконструкции» по отношению к тексту, включавшую в себя и деконструкцию и реконструкцию текста, главным моментом полагал не разрушение, а позитивное творчество. Деррида вскрыл метафизичность сопротивления в тексте, организуемое на его же поле и его средствами. Он выявил глубоко маргинальные, подавляемые мотивы, противоположно направленные по отношению к основному вектору мысли, с помощью игровых приемов, где текст предстал не как мирное гомогенное единство, а как пространство «репрессий» с «очагами сопротивления и диктатами «логоцентризма». Он показал, как «трансцендентальное означаемое» выявляет свойства самообнаружения в интуиции наблюдателя и толкователя. В игровых технологиях Дерриды «живого настоящего не существует», «прошлое оставляет в нем свой след», а «будущее содержит наброски своих очертаний». Настоящее у него «не равно самому себе», оно «затронуто различием и отсрочкой»⁴. Изначальны повторы, копии, следов, «грамма» и т.д. Дополнение не дополняется извне к самодостаточной целостности, а присоединяется. Так возникает иллюзия присутствия, поскольку «мыслить о неприсутствии трудно», ибо «связано с испытанием и переживанием настоящего». Текст, воплощает «принцип гетерономности и разнозакония, позволяет с помощью «слов-меток», указать на места «разрывов», как, например, «фармакон» у Платона,

выступая и злом, и благом, и ядом, и лекарством, или замещением — дополнением, как у Ж.Ж. Руссо (внешняя угроза вторжения культуры в природное естество), «гимен» у Малларме (как парадоксальная несоединимость девственности и брака). Раскрывая игру значений, Деррида показал, как Сократ в диалоге Платона, предстает «фармакевсом» — колдуном и магом, и что его смерть от яда — «фармакона» делает его — «фармакосом» — козлом отпущения (см.: «Платонова аптека»). В работах «Письмо и различении», «Грамматологии», «Рассеянии», «Позиции», «Похоронном звоне», «Шпоры», «Почтовой открытке. От Сократа к Фрейдю и далее», Деррида в процедурах семантического различения и «рассеяния семени» в духовном и телесном смысле вскрыл «провалы» человеческого общения, показав, как возможно и кем совершается событие изобретения.

У. Найссер в когнитивной психологии рассмотрел активность индивида как иерархически организованную систему, опираясь на теорию информации, области искусственного интеллекта и динамические модели для описания мыслительных процессов, использовал такие понятия, как «сигналы», «фильтры», «информационные потоки» и разнообразные игровые модели, стремясь «аргументированно представить преимущество этого подхода», но ушел от решения проблемы соотношения концептуального уровня науки и реальности в сторону формального обоснования концептуальных средств⁵.

Другие направления, продолжающие традицию «демаркационизма» игровой реальности с помощью рационально конструируемых схем объяснения эмпирических данных, принципа «фальсификации» и «социальной инженерии» и «социальной терапии», идут от первоначального наивного фальсификаторства к «усовершенствованному фальсификаторству» с дальнейшим сдвигом в сторону «либерализации», разрабатывают программы социальной технологии, чтобы гибко реагировать на социальные действия.

Жан-Франсуа Лиотар исследовал «дискурс легитимации», притязающий на роль «метадискурса» с его апелляцией к большой «наррации» (одному из возможных типов дискурса), теснейшим образом связанным с властью. Через возможные «языковые игры» для утверждения определенных социальных институтов через денотативные (значение) и прескриптивные (действия властных структур), это прием затушевывает установки властных сил через «языковые игры» и притязает на общеобязательные

³ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977; Foucault M. La volonté de savoir (Histoire de la sexualité 1). 1976 P. 74.

⁴ Деррида Ж. Структура: Знак и игра в дискурсе о гуманитарных науках // Simulation. 1981. P. 205; Selected Writings. 1988. P. 76.

⁵ Найссер. У. Познание и реальность. М., 1981. С. 54

правила и нормы, чреватые опасностью социального террора⁶.

Современная эпистемология стремится, изучая проблемы природы игры и познания игры, отношение знания к реальности игры, а также всеобщие предпосылки познавательного процесса в игре, выявляет «условия истинности знания», добытого в игре, описывает «реальное положение дел в мире», и в этом смысле опирается на знание, обладающее признаком истинности с точки зрения морального императива: универсализма, всеобщности, незаинтересованности, организованного скептицизма, отвергает девиантные приемы научной деятельности и организованный догматизм во имя истин и реализации основы стандартов демократического, цивилизованного поведения, основанного на международной Декларации прав человека.

Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» сравнивал себя с клоуном, которого директор цирка, впадший в отчаяние, послал на манеж, чтобы сообщить почтеннейшей публике, что начался пожар, — а люди не трогаются с места, т.к. привыкли, что клоун только шутит. А ведь Ортега говорил о своей фаталистической безнадежности как программе существования — нести в реальность новые планы как конструктивные силы в великой игре сил современного мира, чтобы пробудить «сверхповышенное чувство ответственности — *Überempfindlichkeit der Verantwortung*»⁷.

В исследовании о театре Н. Прозорова вспомнила знаменитое эссе Генриха Клейста «Театр марионеток», где говорится об антигравности (неподвластности тяжести) и цельностью над раздвоенным, лишенным грации человеком: «У этих кукол есть то преимущество, что они антигравны... Человек просто не в силах даже только сравниться с марионеткой. Лишь боги могут тягаться с материей на этом поприще; и здесь та точка, где сходятся оба конца кольцеобразного мира. Грация в наиболее чистом виде обнаруживается... либо в марионетке или Боге»⁸.

Ганс Гадамер распространил категорию игры на процесс понимания текста, картины, спектакля, которые покоряют нас, поглощают без остатка своим смыслом и красотой. Гадамер упразднил субъективность «маятникового игрового движения», настаивая

на примате «игры самой по себе» в отношении сознания игроков. Он использовал квази-игровую абстракцию для построения музейно-эстетической экспозиции некоего рафинированного «рая», оплаченного ценой радикальной деперсонализации его обитателей⁹.

Развивая «учение об игре» в ракурсе философской антропологии, О. Финк в споре с Гадамером увидел в этом феномене основной способ человеческого общения с возможным. Выходя за пределы плоского эмпиризма, исходящего из поверхностного противопоставления игры — труду («серьезности»), Финк не нашел за рамками условных правил иной экзистенциальной меры, только благодаря которой подлинная свобода может не переродиться в произвол. Осталась не выявленной связь весьма конкретных проявлений открытости, незавершенности человека и нравственной перспективы утверждения, что человек возможен. При этом обнаружилась власть соблазнительного представления, будто в сферу возможного индивид способен войти и «расположиться там», не изменившись по существу, лишь «принимая оговоренные внешние правила»¹⁰.

В англоязычной литературе принято отличать импровизированную, непредумышленную Игру (play) от Игры, организуемой на основе ограниченного числа жестких правил (game). Game предоставляет спортсмену мнимую «свободу», отгораживаемую рамками условных правил от реальной действительности. И на «выигрыш» (приз) структурирует взаимодействие в форме состязания. Театральное действие INTELLECT GAME SESSION с тройственным характером случайности и неожиданности — типичный пример перелома в сложной трагедии (то случайность, как возможность для определенного события развиваться совершенно по-другому, обретает в дальнейшем гармонию с необходимостью и вероятностью).

Французский ученый Р. Кайюа, детализируя предложенную Хейзингой дихотомию «состязание — представление», выделял четыре типа игры:

- Игра — головокружения,
- Игра подражания,
- Игра состязания,
- Игра случая.

⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетей, 1998. С. 205.

⁷ Ortega-Y-Gasset I. *Gesammelte Werke*. Stuttgart. 1954. Bd. 111. S. 416.

⁸ Прозорова. Н.И. Театр // Культурология. Энциклопедия. Т. 2. М., 2011 С. 649-658.

⁹ Гадамер. Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

¹⁰ Финк О. Основные феномены человеческого бытия. Проблема человека в западной философии. Переводы. М., 1988. С. 203; Fink E. *Spiel als Weltsymbol*. Stuttgart, 1960. *Oase des Glücks. Gedanken zu einer Ontologie des Spiels*. Freiburg. München 1957. S. 197.

Эта типология может быть трансформирована с помощью последовательного ответа на главный вопрос: «Кто играет?».

Тогда соответствующие четыре рода игры символизируют их субъекты:

В первом случае это — «скоморох Божий», во втором — «актер и роль», в третьем — «соперники состязания», в четвертом — «азартный игрок и Случай», или в пределе — «марионетка и Рок».

Наиболее сложной является игра первого типа, не локализованная сценой, стадионом или кругом рулетки. В ней человек устремляется к преодолению собственной ограниченности и скованности, к динамическому выявлению возможной полноты экзистенции. Такая игра подобна музыкальному исполнению партитуры и есть исполнение человека, исполняемого бытием. В ней нет «другого» как замкнутого в себе соперника, и потому к Игре не приложив субъектно-объектная матрица. Стороны взаимодействия словно погружаются внутрь самого человека, и между ними в буквальном смысле нет ни соперничества, ни подражания; есть «дрожь», когда в «трепете человек выходит из эмпирического равенства самому себе», ощущает духовную амплитуду своего существования. В нем пробуждается и подает голос «человек возможный» — эта та бытийная «ипостась», которая в принципе не может быть отделена от человека и передана дублеру наподобие маски. «Человек возможный» (за-данный) не является ролью, в которую можно «войти». Он не налагается на индивида извне, как личина, но высветляет в нем сокровенный и неовнешняяемый слой бытия, знаменует его открытость.

Драматизм точечного «возникновения» Игры в мире неизбежен, т.к. совершающееся в игре изменение структуры сознания и переориентация на истинную свободу происходит вне всяких эмпирических оснований для такого события в неизменном мире. Петр Слоттердаjk размышлял об игре, говорил о таких феноменах, как «справедливый гнев», борьба, насилие, агрессии, гнев простого населения, направленный против демагогии властных структур в период глобализации, против динамики жадных сильных мира сего, и разных рефлексов, связанных с продуцированием страха и ядов страсти, подливающих масло в огонь жадности, стяжательства и фрустрации¹¹.

Игра возникает в неготовом месте и времени. Здесь в «человеке возможном» парадоксально сопря-

гаются, с одной стороны, и предельная открытость, и жертвенная незащищенность, и незастрахованность какими-либо конвенциональными условиями и рамками, а с другой стороны, способность высвобождения из-под гнета обычных форм принуждения: идеологического, экономического, социального. Противоположностью игры является не серьезность, а насилие. Насилие прорывает не просто мир игры, искажая его до неузнаваемости, но и — что гораздо важнее — сферу обычной действительности, насаждая свой анти-мир. Насилие «де-морализует» все вокруг себя. Мир аутентичной игры исключает любые моменты насилия. Даже можно определить, какое событие снимает с какой точки мира печать насилия. В эмпирической действительности, где все обусловлено эмпирическими обстоятельствами, аутентичная Игра является упреждением преобразования мира. Проблема же иных разновидностей игры, вплоть до выраженных жестоких, заключается в большей или меньшей степени профанации этого игрового, «праздничного» «упреждения».

Знаменитый польский логик, представитель львовско-варшавской школы Т. Котарбинский, создавший теорию реизма (конкретизма), написавший знаменитый «Трактат о хорошей работе» и, заложивший основы современной праксиологии, размышлял об «Игре в реальности» существования триады: «вещь-свойства-отношения» и показал, как реальность номиналистически вскрывает суть игры¹².

Профессиональными игроками являются политики, риторы, актеры и шулеры. А ведь актер, как писал известный режиссер С. Радлов, — «это человек, действующий в расчете на созерцание зрителей, организующий свои действия для этого созерцания и действующий с эстетической целью». Иначе сюда попадут и палач, и гипнотизер, и священник, и учитель, и политик. Ведь все они организуют действия с расчетом на тех, кто их смотрит. Неслучайно же на буддийском Востоке была сформирована специфическая актерская техника воплощения и сформированы основные типы персонажей, канонизация систем жестов, смеха, особые формы для выражения состояний для выражения божественного, мудрого, талантливого, упорного, техники пения и ошибок техники, методы суфлерства, приемы репетиций перед зеркалом. Достаточно сослаться на японский опыт театра Но и театра Кабуки, сохранившим значение принципа «юген», основанного на вчувствовании в природу вещей и мистическом опыте взаимодействия с космосом и утверждающим два

¹¹ Sloterdijk P. Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Suhrkamp Verlag. 2006. S. 66.

¹² Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975. С. 43.

правила: аскетизм и погружение в свой труд, как в служение и дело жизни.

Искусство и игра в театре Но или саругаку Но должна уравнивать сердца всех людей, воздействуя на чувства, высокие и низкие и должна быть источником долголетия и счастья, продления жизни. В Поднебесной считалось, что неудачная игра актера может принести беду. В Поднебесной усматривали прямую связь между сценическим действием и положением дел в стране. И актера за плохую игру могли приговорить к хакари или отправить в ссылку на дальние острова. Такая участь постигла в старости Сэами. Известны случаи, когда актеру за хорошую игру могли пожаловать титул дайме и назначить губернатором провинции.

Лингвистический феноменологический подход к игре Д. Остина формировался в рамках концепции перформативных и констатирующих высказываний на основе теории локутивных актов (говорения самого по себе), (иллокутивных актов (осуществления одной из языковых функций: вопроса, оценки, приказа и т.д.) и перлокутивного акта (вызывающего целенаправленный эффект воздействия на чувства и мысли воспринимающих речь людей)). Видимо поэтому Дейл Карнеги придавал большое значение игре в «деловой этике», советуя очень «любить противника», не оказывать давления, не отвлекать от обсуждения цены демонстрацией достоинств товара. Он советовал не строить деловые отношения на эксплуатации.

Герменевтика, как известно, находит и ищет смысл в источнике, свидетельстве, в интерпретации объекта: «смысл следует выносить, а не вносить» (Шлейермахер). Разделяя взгляды директора Института теории интерпретации при факультете юриспруденции Эмилио Бетти в Риме, посмотрим, как действуют четыре канона (четыре категории) интерпретативного процесса: два относятся к объекту интерпретации, два к субъекту интерпретации.

Первый канон герменевтической автономии объекта:

Объект интерпретации — продукт человеческого духа, в котором наличествует некая формирующая интенция. Интерпретатор, ища этот смысл, уважая герменевтическую автономию объекта и его непохожесть, обнаруживает в открытии смысла нечто сокрытое, нечто находимое, а не то, что приносится извне при переводе.

Второй канон когерентности, тотальности герменевтического рассмотрения (его критерии заложены в работах римского юриста Цельса и эпоху романтизма у Шлейермахера обнаруживает реальное взаимоотношение и увязку различных частей дискурса между

собой. Каждая мысль всегда находится в определенном отношении к целому, критерий когерентности указывает, что части текста могут быть поняты в свете целого, а текст может быть понят лишь в континууме с его частями, в уточнении деталей.

Третий канон герменевтической автономии субъекта связан с критерием актуальности понимания. Интерпретатор не может снять свою субъективность до конца и идет к пониманию объекта, отталкиваясь от собственного опыта, транспонируя объект в его собственном духовном горизонте. Процесс понимания сообщает субъекту жизненную энергию, интенсивное индивидуальное начало.

Четвертый канон соотносимости смысла, герменевтического консонанса и объективности понимания связан с поиском «духовного просвета», когда дух переводчика с духом создателя говорит, готовит подходящую перспективу для открытия и понимания, свидетельствует о конгениальности.

Этот канон можно именовать **канонем смирения**, поскольку он связан с решительным сдерживанием эгоистических интенций и с богатством и широтой горизонта интерпретатора, его умением принять цели объекта интерпретации как свои собственные.

Перевод — это безусловно и игра со смыслами, поскольку смысл предложений всегда связан с его соответствиям и несоответствиям возможностям существования или не-существования со-бытий. В «Философских исследованиях» и теории языковых игр Витгенштейн дает суровую критику традиционных интерпретативных схем, рассматривающих язык как собрание имен, деноминатов и десигнатов объектов, названий вещей и лиц, объединенных логико-семантическим аппаратом со связками «есть», «или», «если», «то». При этом задача понимания сводится к даче объяснений посредством данных дефиниций. Такие остенсивные дефиниции постулируют серию актов и ментальных процессов, образующих переход от языка к реальности. Мы видим, как тесно связаны между собой теории рефигурации (языкового изображения), логического атомизма и ментализма. В «Замечаниях по основам математики» Витгенштейн пишет, что обучение языку состоит в наименовании предметов: людей, форм, цветов, болезненных состояний, настроений, чисел, что назвать их — словно прикрепить ярлык к вещи. «Мы называем вещи и затем можем о них говорить, беседуя, можем ссылаться на них... В то время как способы действий с нашими предложениями многообразны»¹³.

¹³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М., Гносис, 1994. С. 74.

Известно, что языковой игрой Витгенштейн именовал совокупность языка и действий, в которые тот вплетается, в нашем случае речь идет об изучении иностранных языков. Языковых игр бесконечное множество. Точно также бесконечны способы использования слов, знаков, пропозиций. Множественность не есть что-то фиксированное, данное раз на всегда. Одни игры рождаются, другие — старея, исчезают. Само слово «Игра» указывает на то обстоятельство, что язык, говорение, будучи типом активности, составляют часть жизни. Витгенштейн говорил: «Отдавать приказы или выполнять их. Решать арифметические задачи... Переводить с одного языка на другой... Спрашивать, благодарить, проклинать, приветствовать, молить»¹⁴. Понятие языковой игры было введено Витгенштейном не в целях «грядущей регламентации языка», а как указание на его альтернативные функции, которые посредством сходства и различия описывают и показывают употребление слов в контексте жизни, институтов и человеческого поведения. Витгенштейн был убежден: «язык — это не формальное единство, как мы воображали, а семейство конструкторов, более или менее похожих друг на друга». «Философия есть борьба против зачарования нашего интеллекта средствами нашего языка... Нас берет в плен картина. И мы не можем выйти за её пределы, ибо она заключена в нашем языке и тот как бы нещадно повторяет её нам. Когда философы употребляют слово «знание», «бытие», «объект», «я», «предложение», «имя» — и пытаются схватить сущность вещи, то всегда следует спрашивать: откуда оно родом?»¹⁵

Именно эта мысль Витгенштейна чрезвычайно важна не только переводчику теоретику, но и практику. Неслучайно ведь Витгенштейн уделял значительное внимание таким понятиям, как «мышление», «чувствование», «понимание», «значение», «намерение». При разработке кайротопической концепции мультилингвизма нами учитывались идеи Витгенштейна о «безобразном мышлении», близкие идеям Кюльпе и Бюлера, когда при помощи определенного способа представления «мы представляем себе нечто вроде образов международного языка и вместо слов предпочтительнее использовать картинки с тем, чтобы избежать непонимания на словесном уровне и способствовать созданию международного «универсального языка».

С проблемой мультилингвизма тесно связана идея рождения, развития, совершенствования, изменения и отмирания языковых форм, грамматик и языковых игр. Чем занят практически мультилингв? Как великий Протей, он занят переодеванием мысли с помощью другого языка. Мультилингв конструирует мир с помощью логического каркаса другого языка, обнаруживая диалектику целокупности нераздельного единства, единораздельной множественности и единораздельной цельности в природе самого Слова. Перевод с одного языка на другой протекает не путем перевода каждого предложения одного языка в предложение другого, а путем перевода лишь составных частей предложения. И если в словаре перевод дается не только имен существительных, но и глаголов, прилагательных, союзов и т.д. и все они рассматриваются одинаковым образом, при этом значение простых знаков(слов) должны быть нам объяснены, чтобы мы их поняли, то смысловое понимание достигается только с помощью предложений. «В самой природе предложения», отмечал Витгенштейн, — заложено то, что оно способно сообщить новый смысл и может передавать новый смысл старыми выражениями. Предложение повествует о некоей ситуации, следовательно, оно должно быть существенно связано с этой ситуацией. И эта связь состоит как раз в том, что оно является ее логической картиной... Возможность предложения основывается на принципе замещения объектов знаками. Предложение может быть картиной ситуации, лишь поскольку оно логически структурировано»¹⁶. Таким образом, раздвигая границы одного языкового мира, мультилингвизм приближает к личности отголоски неизведанных языковых миров и культур, расширяя культурное пространство мультикультурным объемом в завершенное единство, соединяя единичность и множественность, эмпирическое и трансцендентальное в пространстве индивидуального опыта. Весь процесс употребления слов в языке можно представить в виде языковых игр, где язык переплетен с разнообразными действиями. Язык можно ассоциировать с лабиринтом города, с некоей формой жизни, с лабиринтом путей. Совместное поведение людей - это та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык. Язык — это инструмент и его понятия инструментальны. Язык — игра, а значение слова есть его употребление в этой игре. Существуют грамматические правила пользования словесными играми. Следовать грамматическим правилам — все равно что подчиняться правилам игры, вступить в общение.

¹⁴ Ibid. С. 75.

¹⁵ Ibid. С. 76.

¹⁶ Ibid. С. 77.

Правила, образующиеся в результате дрессировки, социальны по своему характеру. «Значение слова — это его употребление в языке. Язык действует на фоне человеческих нужд в определенной человеческой среде... Не ищите смысл, а ищите его употребление... Я освобождаю вас, таким образом, от ментальных судорог, чтобы вы смогли осмотреть пространство использования слов и выражений и описать различные другие типы употребления». Философия, как и психотерапия, врачует языковые болезни. Какова твоя цель в философии? — Показать мухе выход из мухоловки». Известно, Витгенштейн, преподававший в трех небольших австрийских селениях в течение шести лет в начальных классах, составил уникальный словарь альпийского диалекта и разработал уникальные методики преподавания диалекта в опоре на математику, биологию, астрономию и историю.

Природу мультилингвизма помогают уяснить исследования письменного дискурса разных языков как основных кодов коммуникации, а также разнообразные работы по проблемам интерпретации, теоретическим аспектам герменевтики.

Многогранная природа языка волновала Бэкона, Гоббса, Лейбница, Локка, Декарта, Вико и других. Идеи В. Гумбольдта о самодостаточности языка, о тождестве духа народа и его языка, «язык — это промежуточный мир между народом и объективной реальностью, это область, лежащая между миром внешних явлений и внутренним миром человека» до сих пор будоражат научный мир. Густав Шпет в своих «Эстетических фрагментах», следуя за В. Гумбольдтом, исследовал структурные уровни слова не с точки зрения морфологического, стилистического или синтаксического построения, а отталкиваясь от его эйдетической сущности (формально-идеального) предмета. «Язык», писал В. Гумбольдт, — «стимулирует человеческую духовную силу к постоянной деятельности... можно говорить о стремлении воплотить идею совершенного языка в жизнь». Разрабатывая понятие внутренней формы языка, Гумбольдт ставил вопрос о соотношении языка и поэтики. И если Гумбольдт не признает в языковых формах наличие логических форм, то Шпет изучает соотношение особых форм языкового многообразия с «чистыми» мыслительными формами. Поскольку понятие «внутренней формы языка» не устраивало Шпета, он его трансформировал в понятие «внутренней формы слова». В число первых уровней чистого предметного слова словесной структуры он помещал фонетические и морфологические формы. И если фонема не обусловлена смыслом, то морфема как звуковое образование, уже несёт смысловую нагрузку. Удачное применение

слова в поэтической речи напоминает нам «о живом духе, бьющемся под окаменевшими морщинами морфемы». Эти идеи Гумбольдта и Шпета, прежде всего, важны для теории и практики художественного перевода.

Актуальны для мультилингвальной теории и для теории и практики художественного перевода идеи Ф. де Соссюра, связанные с применением структурных методов. Поиски К.-Л. Леви-Стросса, Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, П. Рикёра, Ч. Морриса, Р. Карнапа, А. Тарского, известных теоретиков оксфордской и кембриджской аналитической школы таких, как Г. Райт, Д. Остин, П. Стронсон, Г. Харт, С. Тулмин, Д. Пирс, А. Монтефиоре, Дж. Уорнок, А. Айер, Т.А. Шумовского и других нельзя обойти вниманием. Выскажем предположение: мультилингвальная реальность детерминирована «парадоксами» мультилингвизма и имплицитно вбирает в себя закономерности и механизмы, данные человеку от природы и обретенные им в его культурной и социальной практике. Мультилингв как бы вбирает в себя всю мозаику языковых миров, созидая целостное и интегральное представление о мировом языке как бы имея в сознании идеи универсальной грамматики. Закономерно наблюдение Ноама Хомского об «универсальной грамматике как «наборе принципов, характеризующих класс возможных грамматик, предопределяющих способ частных грамматик». Н. Хомский в книге «Разум и язык» заметил: «Знать язык значит уметь приписывать семантическую и фонетическую интерпретацию глубинной структуре и выделить связанную с ней поверхностную структуру». Постулаты Хомского из знаменитого труда «Синтаксические структуры» отражают, как из простейших (ядерных фраз) путем трансформаций можно получить сложные фразы. Знаменательны идеи Н. Хомского о глубинных и поверхностных структурах, изменяющих синтаксические связи внутри фраз в соответствии с правилами каждого языка. Создать алгебру каждого языка стремился Луи Ельмслев — лидер копенгагенского лингвистического кружка. Азбукой мультилингвизма должны стать труды Пражского лингвистического кружка, основанного в 1926 году и представленного трудами блестящих русских ученых Н.С. Трубецким, шестнадцать лет преподававшим в Венском университете, а также исследования Романа Якобсона и Сергея Карцева. В дискурсивных практиках постмодернистского дискурса содержится ряд любопытных наблюдений над природой языка, постановкой проблемы референции (соотнесенностью слова с внеязыковой реальностью). Ведь еще

Э. Бенвенист определял дискурс как массу текстов, воспроизводящих речь и организующих речевое производство. В «Объяснительном словаре теории языка» А.Ж. Греймаса и Ж. Курте имеется подробное обоснование понятия дискурс, которое имеет непосредственное отношение к теории и практике художественного перевода. Оба исследователя отождествляют дискурс с семиотическим процессом. Следовательно, многообразные дискурсивные практики, разнообразные способы словесного поведения важны для постижения природы мультилингвизма. Поскольку мир опосредован языком и видится через язык (достаточно вспомнить виттгенштейновское «Границы моего языка означают границы моего мира»), то проблема мультилингвизма заострит методологические аспекты практики художественного перевода. Следует отметить деятельность русских переводчиков и комментаторов Плотина Г.М. Малеванского, А.Ф. Лосева, М.А. Гаранцева, а также западных А. Кирхгоффа, Анри Швицера, Н.В. Юшманова, Д.А. Ольдерогге, В.В. Струве, И.Ю. Крачковского, Т.А. Шумовского и др. Ключевыми понятиями для постижения феномена мультилингвизма являются **письмо, текст и эрудиция**. Знаменательно исследование Фридриха Бодмера «Языки мира. История грамматики словарного запаса мировых языков в сравнительном аспекте» (1960), а также труды Бодуэна де Куртене — лингвиста, автора многих работ по языкознанию и славянской филологии, редактора «Толкового словаря» Даля. Представляют интерес наблюдения Л.С. Бархударова, рассматривающего текст как единое целое в аспекте перевода подлинника и перевода как результат тождества семантической информации, содержащейся на уровне текста, а не его отдельных частей. С этими положениями коррелируют мысли И.Р. Гальперина о снятии в тексте энтропии, порождаемой отдельными предложениями. Постмодернизм, как известно, интерпретирует текст как арену интертекстуальных игр, как веер равноценных интерпретаций, что на наш взгляд, недопустимо. Мы разделяем диалогический подход к тексту М. Бахтина, поскольку текст невозможно понять со стороны вне диалога. Важным для нашей концепции мультилингвизма представляются идеи Г. Вайнриха об обговариваемом и рассказываемом мире («besprochene und erzählte Welt») как различных способах видения мира через промежуточный языковой мир («sprachliche Zwischenwelt»). Не менее важны положения П. Рикёра об особой жизни художественного произведения, где мы вслед за французским ученым выделяем три этапа, каждый из которых можно обозначить словом мимесис:

мимесис-1, мимесис-2, мимесис-3. Реконструируя целостность операций, с помощью которых слово одного языка берет начало в смутных глубинах жизни одного народа, мы можем проследить, как происходит его перекодировка в структуре художественного произведения на уровне другого языка (мимесис-2, где текстовая конфигурация становится посредницей между префигурацией (простой последовательностью событий) практического поля и его рефигурацией (трансформации в восприятии произведения), а в мимесисе-3-ем произойдет пересечение конфигурированного мира одного языка и мира другого языка и состоится рождение смысла Слова в новом языковом опыте, благодаря плодотворному диалогу культурных миров.

Напряженная жизнь мультилингва восстанавливает систему социально детерминированных языковых практик в опоре на знаковую функцию языка на практику «означения». Захотеть помыслить мультилингвизм — значит вступить, перефразируя М. Хайдеггера, «в говор языков», и тогда язык «проговорит нам свою сущность». А говорить на языке — это значит найти прибежище сущности языка», ведь язык «могущественнее нас», «язык — дом бытия», «принуждает к речению»; «истинный поэт вслушивается в язык, как в чистый голос», «открывая в себе язык», «понимает глубинную суть проговоренного», «язык взыскует, открывает новые, не виданные ранее стороны мира», «вслушивайтесь в речь, ощутите значимость слова». «Тезисах об основаниях» философ утверждал: «через язык наводятся первые пути и подступы к пониманию»: «существо языка покоится в дарующем сказе», «в языке мы слышим голос бытия, голос Бога, совести и голос любви». По Хайдеггеру, «язык как таковой — это индивидуальное царство, из которого человек вышел, но к которому он прикован цепями».

Ведь мультилингв не прикован цепями к одному языку, и ему открывается вся многомерность и неповторимость бытия разнообразных языков мира. Мультилингвизм предлагает уникальную стратегию вслушивания в языки мира. В работе «Актуальность прекрасного» Г. Гадамер отмечал: «С изучением языка, с нашим вращением в родной язык мир становится для нас членораздельным»¹⁷.

В мультилингвальном опыте всегда присутствует глубинный смысл многогранного, многозначного языкового опыта, когда постоянно испытывается преобразующее воздействие слова. Павел Флоренский был убежден: «Слово — это конденсатор воли, конденсатор

¹⁷ Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 86.

внимания, конденсатор всей душевной жизни, оно уплотняет её».

В. Гумбольдт видел в языке «одновременно дело и действенную силу, соборную среду. Антиномическое совмещение необходимости и свободы, создание духа народного и Божий народу дар, как жребий. Как некое предназначение его грядущего духовного бытия». Разделяя положения Гердера о связях между языком и национальным характером, Гумбольдт утверждал: «у любого языка есть собственная типичная и вместе с тем особая структура, которая с одной стороны, отражает, а с другой — обуславливает способ мышления, будучи формой выражения нации. Цепочка мыслей связана с цепочкой слов». Изучив множество языков индоевропейской группы: китайский, малайский, баскский, семитский и языки коренных жителей Америки, пораженный структурным разнообразием идиом, Гумбольдт пытался установить связи между языком и менталитетом. «Природа языка состоит в переплавке чувственной материи мира и слов в печать мыслей... языки не средство представления уже познанной реальности... они служат средством открытия доселе неизвестной реальности. Разница между ними не в звуках и знаках — это разница оптического свойства, взглядов на мир»¹⁸. В конце XVIII века было обнаружено родство санскрита (священного языка древней Индии) с латинским, греческим и другими европейскими языками. Английский востоковед сэр Вильям Джонс в 1786 году, независимо от других ученых, пришел к выводу: «Европейские языки, возможно, произошли от одного протоязыка, которого больше нет». Из Пражской национальной школы восточных языков, основанной в 1795 году, Фридрих Шлегель запрашивал материалы для своей известной книги «О языке и мудрости индусов» (1808). Поиском серьезных доказательств и сравнительным анализом языков занимался Франц Бопп, изучавший в Париже 19 века персидский, индийский, арабский и еврейские языки. Его работа «Система спряжения в санскрите в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германском языках» вышла в 1816 году. Ф. Бопп опубликовал «Сравнительную грамматику» в 1849 году и переиздал ее в 1857-1860 с дополнениями, проанализировав санскрит в связи с греческим, персидским, германским, а позже с литовским и старославянскими языками. Датский учёный Размус Раск в 1818 году получил сравнительные данные при изучении структуры греческого, латинского, германских,

балтийских и славянских языков (кстати, санскрита он не знал). Богатый результатами фонетический анализ германских языков дал Якоб Grimm в «Немецкой грамматике» (1822). Он создал закон Гримма, описывающий регулярные соотношения между индоевропейскими и германскими шумными. Это было настоящее открытие, ведь впервые были получены примеры регулярности языковых изменений, и это положило начало исторической лингвистике. Против романтической идеи существования некоего протоязыка выступали ученые неограмматики, искавшие идеальную систему не в прошлом, а устанавливая точные данные на основе одной языковой семьи. Знаменитый младограмматик К. Брукман упрекал компаративистов в неуважении к новым продуктам лингвистической эволюции». «Вместо изобретения гипотетических символов «оригинального» лингвистического происхождения лучше придерживаться имеющихся в нашем распоряжении документов и, опираясь на них, составить общее представление о развитии языковых форм». Пять томов исследований К. Баумгартена и Б. Дельбрюка увидели свет в 1886-1990 годах в виде «Очерка сравнительной грамматики индоевропейских языков». Заметим, основы европейского востоковедения были заложены российскими учеными (русскими немцами), еще начиная с 1705 года. В тезаурус имен отечественных востоковедов входит замечательный Т.А. Шумовский, близко друживший с Львом Гумилевым. Шумовский — автор таких трудов, как «Забывшая поэзия Востока» (стихотворные переводы), «Русско-арабские встречи: Аравия в русском искусстве», «Мавританская любовь», «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы» (Л., 1957. переводы в Португалии, Египте и Бразилии), «Арабы и море» (М., 1964) перевод в Ираке), «У моря арабистики» (М., 1975), «Воспоминания арабиста» (Л., 1977), «Арабская морская энциклопедия XV века». Т. 1.-2. (М., 1985), «По следам Синдбада-морехода» (М., 1986), «Коран» (поэтический перевод на русский язык — первый в России) (М., 1995, СПб, 2000 и 2001), «Последний «лев арабских морей»» (П., 1999). Его труды по творческому наследию Баркова, Пушкина и Райляна, его переводы и его восхитительная книга «Странствия слов» (СПб, 2004) дают богатый материал для практикующего переводчика. Следует постигать опыт русских переводчиков Гете, таких, как О. Козодавлев, И. Тургенев, В.А. Жуковский, Гретч, Кюхельбекер, И. Губер, С. Гайер. Известно, целеустремленность сминает и снимает все препятствия, достаточно вспомнить слепо-глухо-немую Елену Келлер, изучившую три иностранных языка.

¹⁸ Гумбольдт В.Ф. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечества. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 91.

Поскольку вечное общение человеческой речи и ее перевод создали огромное количество исторических тайн, которые постоянно сопровождала исследовательская мысль, шаг за шагом встречаясь с новыми открытиями и приходя ко все новым выводам, небезынтересен ментальный эксперимент радикального перевода американского философа У. ван Омана Куайана — сторонника методологического холизма и бихевиористской теории значения (см. его труды «Перевод с логической точки зрения» (1953), «Слово и объект» (1960)). Радикальным переводом Куайан называет «перевод ушедшего в прошлое языка, основанного на поведенческой очевидности и без опоры на словари». Куайан воспроизводит ситуацию, когда лингвист должен перевести выражение с языка народа, развивавшегося вне контекста с нашей цивилизацией. «Гавагай», скажет человек, указывая на бегущего зайца. Лингвист, переведя слово «гавагай» как «заяц», не будет использовать словари и прибегать к помощи интерпретаторов. Он оттолкнется от ситуации стимула и попытается сравнить его и наше поведение при появлении зайца. В радикальном переводе сопоставляются вовсе не значения слов. Лингвист не имеет перед собой словесные смыслы наподобие произведений искусства в картинной галерее. И слова отнюдь не функционируют в роли этикеток. Сделать их вещами, т.е. конкретизировать коннотаты (смыслы, значения) и попытаться свести перевод к таким конкретным единицам — значит довольствоваться галлюцинациями. Это подтверждает ментальный эксперимент радикального перевода. В «Онтологической относительности» Куайан пишет: «Смыслы на деле связаны не с ментальными состояниями, а со стимулами... Смыслы отсылают к поведению. Нет сигнификата в виде идеи, а есть смысл как поведенческий ответ на стимул... Язык есть социальное искусство, которого мы постигаем на основе очевидности демонстрируемого поведения в социально опознаваемых обстоятельствах». Средством экспериментальных ситуаций, реализованных в бихевиористской перспективе и структурированных вокруг оси стимул-реакция, лингвист создает некий «словарь перевода» и «аналитические гипотезы» для установления сети корреляций между словами и выражениями туземца и своими собственными словами и выражениями. Возможно объект, к которому прилагаются термины, всего лишь временные сегменты того, что мы называем «зайцем», и ситуация, стимулирующая дать положительный ответ на «гавай», совпадает с той же, что и со словом «заяц». Когда от тождества смысловых стимулов «гавай» и «заяц» лингвист умозаключает об их соответствии, то

делает это потому, что туземец похож на нас, чтобы иметь общее краткое понятие зайца вообще, а не для отдельных его частей. Лингвист не переводит смыслы и термины выражений с языка туземца на свой собственный, он проектирует свои концептуальные схемы, ожидания и привычки на поведение туземца, в этом заключается принципиальная неопределенность перевода. Ментальный эксперимент радикального перевода показывает, что суть перевода не в сопоставлении сигнификатов (смыслов, или коннотатов) и слов с вещами. Смыслы суть поведенческие позиции. Нет ничего в смысле, чего не было бы в поведении». Правила перевода неопределенны, и такая неопределенность есть неопределенность принципиального свойства. В очерке «Философский прогресс в теории языка» Куайн пишет об относительной тотальности проверенных и непроверенных диспозиций. От этой неопределенности можно избавиться посредством свободного выбора, в том числе и бессознательного, и с помощью аналитических гипотез перевода. Неопределенность не означает неосуществимости перевода, это скорее принципиальный вопрос бегства от коннотатов и «мифа о галерее».

Значение слов и выражений зависит от их языкового использования сообществом и связано принципом неопределенности перевода и бегством от коннотатов. Чарльз Моррис проанализировал семиотику как общую науку о знаках и разработал теорию семиозиса в следующих трудах: «Знаки, языки и поведение» (1946), «Обозначение и смысл. Изучение отношений знаков и ценностей» (1964). В них он обратил внимание на три важных компонента:

- 1) знаковый проводник;
- 2) десигнат;
- 3) интерпретатор.

В семиозисе есть некто, кто понимает другого опосредованным образом. Семиозис — это осознание посредством чего-то. Посредник есть знаковый проводник, осознание есть интерпретация, действующее лицо интерпретатор, предмет осознания — десигнат. Ученик Уайтхеда и Куайана, создатель каузальной теории действия, Дональд Дэвидсон написал работу «Исследования истины и интерпретации» (1984).

Мультилингвы, наделенные великим и прекрасным Даром постижения Слова, являются хранителями ресурсов культуры и разделяют общий взгляд на реальность. Мультилингвами были великие русские просветители Н.И. Новиков, М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский (переводил с лат. и нем. языков, а также «Телемахида»), А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, А.Н. Радищев, А.С. Грибоедов, А.А. Бестужев-Марлинский,

Г. ле Монте, И.А. Жуковский (переводчик Гомера), П.Н. Катенин (переводчик трагедии Расина «Эсфирь»), И.В. Киреевский, В. Кюхельбекер, М.П. Погодин, А.А. Дельвиг, С.Т. Аксаков, А.И. Герцен, М.Ю. Лермонтов, Гнедич (переводчик «Илиады»), Баратынский, А. Григорьев, А. Майков, Н. Полевой (переводчик Шекспира), энциклопедист Н.Г. Чернышевский, Ордынский (переводчик Аристотеля), Мартынов, Шестаков (переводчик Плавта), Шершеневич (переводил «Энеиду» Вергилия), И. Генслер (переводчик Гейне), Н. Берг (переводчик Мицкевича), А. Гильдерфинг, написавший также труд «О сродстве языка славянского с санскритским. История балтийских славян», переводческая деятельность Карла Маркса, В.И. Ленина, Д. Лукача (переводчик Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра, Кьеркегора, Достоевского), Поля Рикёра (переводчик Карла Ясперса и «Идеи чистой феноменологии» Гуссерля), М. Райх-Раницкого, К.И. Чуковского, написавшего ряд трудов по художественному переводу: «Принципы Художественного перевода» (М., 1940), педагогический опыт Витгенштейна, семиотический опыт Лейбница, Морриса, Ч. Пирса, Б. Рассела, Буле, Пеано, Уайтхеда, Карнапа, так же, как и опыт известных мультилингвов (д.ф.н. Юдакина А.П., активно владеющего навыками более 120 языков, Аверинцева С.С, Лосева А.П., Тахо-Годи М.А., Карельского А.В., Вебера В., Архипова Ю., Косикова Г.К., Израилевича В.Л. и других) чрезвычайно важен в усложненном глобализирующемся, постоянно меняющемся универсуме. Это своеобразный тезаурус интерсубъективной коллекций знаний о синтаксических, семантических и прагматических правилах языка человеческого общения.

Согласно философии языка Сергия Булгакова, изложенной в его «Философии слов»: множественность языков не исключает единства «внутреннего слова». Разрабатывая концепцию мультилингвизма, обращенную против панциря догматизма в изучении иностранных языков, подчеркнем, что она продиктована бахтиновской тоской по культуре. Разделяя персоналистскую идею Н. Бердяева, мы в разработке концепции мультилингвизма призываем к целостной разработке многообразных инновативных концепций для ведения полифонического разговора с многогранным сегодняшним миром. Наши усилия направлены на создание интердисциплинарного консорциума ученых для совершенствования весьма конкретного и очень важного дела современной культурной жизни. «Язык как просветляюще-угаивающее явление самого бытия», «язык как осуществляемый бытием и пронизанный его строем дом бытия», разверзает сущее, выводя сущее в явление (М. Хайдеггер), он, по словам Сартра, не просто «феномен, добавленный

к бытию-для-другого, а есть изначально бытие-для-другого», и языковой опыт, следовательно, есть опыт обычного человеческого разговора, возведенного в ранг бытийственного откровения, когда собеседники открываются перед лицом другого, становясь впервые самими собой, являя предметный мир и несказанный первоисток языка — Бога. Включаться в мультилингвистический диалог — это значит разговаривать на другом языке, проговаривать мысли на другом языке. И, как говорил Франц Розенцвейг, «разговаривать — значит разговаривать с кем-то и думать за кого-то, причем этот кто-то всегда является определенным субъектом, имеющим не просто уши и слух, как это было у общности, но также рот и способность говорить»¹⁹. Весьма любопытна концепция Ейгена Розенштока — создателя науки метаномики, в основе которой лежала концепция бытия, порождаемого человеческим языком. Розеншток полагал: «в центре креста реальности Вселенной находится говорящий на многочисленных языках человек» и, что «все болезни человека связаны с его языком, ведь он не выговорился до конца». Создав миф о всемогущем и всепроникающем языке, Розеншток, как доктор богословия из Мюнстера, задумывался над тем, какая сила заставляет людей говорить на разных языках. Весьма примечателен опыт В. Набокова, он не только писал, но и переводил стихи и прозу на английский язык. Его переводы «Евгения Онегина» снабжены подробнейшими историческими, просодическими и литературоведческими комментариями. Его переводы «Героя нашего времени», «Слова о полку Игореве», переводы многих стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Мандельштама, Ходасевича, А. Белого и других на английский язык самоценны. В эссе «Об адаптации» Набоков оспаривает перевод Роберта Лоуэлла знаменитого стихотворения Мандельштама «За гремящую доблесть грядущих веков» и весь метод «адаптации» в целом. Чрезвычайно актуален переводческий опыт Филатова, Веревкина, Саблукова, Богуславского В.В. Вересаева, А. Пиотровского, Т. Гнедич, Лозинского, М. Салье, Р. Эрлиха, И.Ю. Крачковского, В. Эбермана, Сенковского, А. Тарковского, И. Бродского, М. Левика, А.М. Эфроса, Н.А. Львова, И.И. Виноградова, И.А. Крылова, М.С. Кайсарова, Р.Т. Гонорского, Н.И. Бутырского, А.Г. Шпиготского, И.И. Козлова, И.П. Крешева, А.Н. Майкова, В.П. Буренина, П.П. Гнедича, Д.Е. Мина, Ореста Головина, К.Н. Льдова, Д.С. Мережковского, М.М. Гербановского, О.Н. Чуминой, И.А. Бунина, Н.М. Соколова, И.П. Капниста,

¹⁹ Franz Rosenzweig. Das neue Denken // Der Morgen, 1 (1925). Heft 4. S. 99.

Ю.Н. Верховского, И.А. Гриневской, В.Н. Крачковского, В.И. Иванова, В.Я. Брюсова, Г.А. Блока и О.Э. Мандельштама, В.В. Струве, И.М. Дьяконова, И. Диаките, Я.И. Перельман, Д.Н. Ушакова, Ю. Завадовского.

Для теории и практики мультилингвизма важны исследования, посвященные проникновению одного языка в другой с точки зрения глоттогенеза, а также исследования по мультилингвизму, проводимые на междисциплинарном уровне людьми разных специальностей: математиков, лингвистов, программистов, логиков, радиоинженеров, семиотиков, разрабатывающих универсальный семантический код исходя из категорий языка.

Частным проявлением мультилингвизма является **билингвизм**. Самым известным билингвом России был Александр Сергеевич Пушкин, прозванный лицейскими друзьями «французом», а также А.С. Грибоедов, Н. Карамзин, Н. Гоголь, К. Павлова, В. Набоков, М. Джалиль, Ч. Айтматов, Маргвелашвили и другие. Билингвистический ландшафт всегда производит присутствие двух универсумов и оставляет ощущение подвешенности между двумя мирами, связанными с природой двух языковых миров их сопротивляемостью друг другу, когда состояние подвешенности — Suspension позволяет по ту сторону данности открыть новые горизонты невиданного, двойное измерение предмета в мистическом созерцании и творении языкового феномена. В проблеме билингвизма — в этом привычном и поверхностном событии сокрыт тривиальный факт повседневного существования человека, вынужденного жить в языке, данном ему от рождения и в языке среды обитания..... или это тайна, таинство, чудо невозможного или благоприобретенного? Всякий переход в другой язык предполагает второе рождение, и, как заметил М. Хайдеггер, этот переход, это второе рождение и есть «узкие врата, охраняемые Ужасом, означающим рождение и смерть, и третье рождение- переход к Абсолютному Другому». И можно ли к билингу отнести ремарку Ж.-П. Сартра об «окаменевании под взглядом Другого», характеризующего суть мифа о Горгоне.

Проблема билингвизма связана с проблемой семантических универсалий, тех элементарных понятий, общих для всего человеческого рода и находящихся выражение на любом языке. И, следовательно, миф о Горгоне необходим билингу? Ведь для того, чтобы поразить Горгону, Тезей должен быть смотреть на её зеркальное отображение в своём медном щите, т.е. чтобы выносить другого, нужен либо медный щит, либо зеркало. А что касается гёльдерлиновского, то билингв вращает боль родным языком на чужбине. Билингв — это человек, внутри которого всегда при-

сутствует взгляд Другого. «Признание роли Других, по словам Умберто Эко, «необходимость уважать те же их потребности, которые мы считаем неукоснительными для себя — результат тысячелетнего развития»²⁰.

Билингвистический духовный опыт - это опыт пребывания в обоих языковых мирах. В языковой реальности билингва выделяются два момента: «Я и родной язык» и «Другой Язык» как объекты познания, и языковая личность, как организатор места встречи различных языков. Языковая личность и есть то благодатное поле, где прорастает контакт и встреча культур и взаимодействие языков. Как возможно такое, когда человек постоянно кочует из одной языковой парадигмы в другую и чувствует себя всегда дома? Всегда ли безболезненно осуществляется это переход? А, быть может, происходит то, как замечает Виттгенштейн, «язык переодевает мысли» и, именно в этот момент, возникает «мультиуниверсум творения», «мульти-культы»-встреча в сознании билингва, то состояние, которое Лейбниц именовал «мультиверсией (множеством возможных миров)»? Билингв — это существо, всегда соблазненное и совращенное другой культурой, музыкой, ритмом и ладом другого языка и, он абсолютно соответствует теории симулякров Жана Бодрийяра о том, что всякий дискурс и всякий опыт соблазняет и совращает. Билингв обладает основным свойством симулякра — скрывать свой сокровенный опыт своей сверхдемонстративностью, и именно, это состояние М. Мамардашвили именовал «чудом мысли», или, по замечанию В. Фриауфа, это и есть «апофатическая бездна Абсолютной Друговости» (кстати, В. Фриауф руководил семинаром «Язык — сознание — человеческая реальность» в лаборатории «Моделирование образовательных процессов» СГТУ в начале 90-х годов XX века. Г. В. Розанов в книге «Путь к новым смыслам» ввел понятие-оператор «Пси-функция по считыванию Имени». Думается, именно эта пси-функция имеет непосредственное отношение к состоянию билингва, его особой билатеральности, состоянию той магической зазеркальности, когда происходит парадоксальная связь Друговости с тайной Боговоплощения, когда родное слово становится зерном, а другой язык — почвой, на которой родное слово прорастает в новом качестве, обогащенное новыми смыслами. И, если вспомнить Марио Вандружку, то в настоящее время нет монолингвальных (одноязычных) сообществ. Основными чертами современного языкового ландшафта является несовершенное

²⁰ Eco U. Looking for a logic culture // Times Literary Supplement Oct. 5, 1973. P. 101.

многоязычие и многоязычное несовершенство. Чужой язык постоянно проникает в повседневную жизнь в виде интернациональных слов, научно-технических терминов, сленга и т.п.

В эпоху глобализма многоязычный человек — это хранитель культурного наследия и странноведческих реалий, посредник между различными народами и этническими группами. Возрастают требования к специалистам в области контактов с зарубежными партнерами в узко специальных сферах экономики, промышленности и науки. Современные исследователи говорят о необходимости разработок особых методик и моделей билингвального обучения для билингвальных детей и становлению билингвизма у одноязычных детей, модели двуязычного обучения, направленные на сохранение языка национального меньшинства или же модели, переучивающие с языка эмигрантов на язык большинства в соответствии с разнообразными методическими подходами к организации обучения, достаточно сослаться на концепцию «Европейской школы» Евросоюза. Билингвизм тесно связан с пониманием этнокультурного самосознания, которое развивается в настоящее время в трёх направлениях: **примордиализма**, связанного с идеями исконности этнообразующих признаков; **инструментализма** — использование этничности в сфере политической и социальной конкуренции с максимальной материальной выгодой и **конструктивизма** (использование этничности как социального конструкта с символическим пространством и целенаправленной деятельностью), дающего чувство эмоциональной безопасности. Большинство билингвистических методик разрабатывается по этим трём направлениям.

Россия обладает уникальной традицией билингвального обучения, достаточно сослаться на опыт саратовской билингвальной школы, украинский, белорусский и опыт многих лингвистических школ бывшего СССР. Проблема билингвизма включает в себя и стандартные нормы, и просторечия, и диалекты, и жаргоны, то, что связано с проблемой общенародного и общенационального в языке, а также реальное речевое употребление, характерное для разговорной речи. В этом смысле серьезным методическим подспорьем оказываются словари современного интержаргона асоциальных элементов. Среди таких работ хотелось бы назвать словарь «Русская Феня» и другие словари, которые хорошо описаны в предисловии указанного автора. Эти источники помогают в постижении феномена билингвизма, который является пограничным в культуре и вскрывает особенности семантических транспозиций, об-

условленных спецификой фоновой информации. Над сводным двуязычным словарём русских жаргонов и просторечия, как известно, трудится Европейская коллегия переводчиков в Штарлене (Северный Рейн-Вестфалия). О том, что жаргон бывает посложнее иностранного языка великолепно демонстрирует кинокомедия «Джентльмены удачи». Не потеряла своей актуальности для постижения метафизики билингвизма теория дореволюционного грузинского мыслителя Я. Гогешвили с его принципом посильности и постепенности при заучивании слов и правил иностранного языка.

Понятие естественный билингвизм связан с условиями естественного языкового окружения, через коммуникацию. Естественный билингвизм органично вписывается в коммуникативную иерархию ценностей индивида, образуя в структуре головного мозга специализированную лимбическую структуру. А если второй язык осваивается через осознаваемое усвоение, то в коре головного мозга включаются механизмы, как и при изучении таких предметов, как математика, физика, биология, химия, когда подключаются кортикальные структуры головного мозга.

Естественный билингвизм возникает в местах компактного проживания национальных меньшинств, стремящихся сохранить родной язык и родную культуру. При этом носители родного языка хотят успешнее овладеть языком коренного народа, либо окружения, чтобы легче приобщиться к иной культуре и науке. Тонкие наблюдения о билингвизме содержатся в работе А.Н. Штукерт «Педагогическое образование в системе национальной школы немцев Поволжья» (1998) (Кандидатская диссертация по специальности: Общая педагогика). А. Штукерт интересовало мотивированное двуязычие: пассивный, по преимуществу ненормативный билингвизм, а также билингвизм в условиях, когда родной язык развивается в рамках стихии диглоссии (диалект-литературный язык).

Пассивный билингвизм предполагает частичное или неполное владение вторым языком и, в известной степени, приближается к монолингвизму. Ненормативным билингвизмом именуют пользование двумя языками с нарушением норм того и другого. Диглоссия предполагает сознательную оценку говорящим двух форм одного языка в разных функциональных сферах. Метафизику билингвизма проясняют классические суждения Э. Бенвениста о многомерном своеобразии языка, а также положения «лингвокультурологов» и этнопсихолингвистов таких, как А.А. Шахматов, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, А.И. Соболевский, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, А.Д. Арутюнов, В. Воробьев, В. Шаклеин, В.А. Маслова, владеющих билингвальными

ми навыками и выявляющих в своих исследованиях глубинные народные стереотипы и картину мира народов в связи с породившим их языком. Для билингвистики подходы лингвокультурологических школ должны быть основополагающими (школа В.Н. Телии, школа А. Вежбицкой (Lingua Mentales) с её имитацией речедейательностных ментальных состояний говорящего, а также развивающая концепция В.В. Воробьева и В.М. Шаклеина, базирующаяся на идеях Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова).

А. Штуккерт, исходя из понятия «естественного билингвизма», утверждает, что билингвальное образование — это такая организация процесса усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, когда становится возможным использование двух языков в качестве:

а) предмета изучения;

б) средства обучения и развития мыслительных способностей.

На примерах из архивных материалов газет немцев Поволжья (1918–1941гг.) таких, как «Unsere Wirtschaft», «Wolgadeutsches Schulblatt», „Nachrichten“, где публиковались дискуссии о необходимости преподавания ряда предметов на литературном немецком языке, ряда на русском и ряда на диалекте немецкого языка, показано, как это функционировало на практике. Выдающийся диалектолог, этнограф, профессор и проректор Немецкого пединститута Г.Г. Дингес откликнулся на эту дискуссию книгой «О наших диалектах» и выступил на страницах газеты «Unsere Wirtschaft» статьей «Литературный язык, наречие и сельская школа». В диссертационном исследовании Штуккерт уделила пристальное внимание разным методическим приёмам, таким как живая речь, наглядность, заинтересованность, использование вспомогательных средств, творческое использование элементов комплексной системы при обучении родному и второму языку, учёт психологических особенностей, о роли музыки в обучении языкам, о научной обоснованности и преимуществах прямого (натурального метода) при изучении второго языка, о значении метода полных слов в деле первоначального обучения чтению на родном языке, методики обогащения словарного запаса учащихся, методики усвоения правил построения словосочетаний и предложений, методики овладения навыками связанной речи в её устной и письменной формах. Методики по овладению норм литературного произношения и выразительного чтения, методики доступности, простоты и точности выражения. Уже в то время в основу работы по развитию речи учащихся как немецкому, так и

русскому языку были положены принципы единства развития мышления и речи, побуждающих учащихся обращать внимание на содержание и форму речи, поэтому большое внимание уделялось навыкам составления планов, конспектов, тезисов, работе над докладами, рефератами, сочинениями. И многие положения методистов немецкой автономии (1918-1941) не утратили своей актуальности.

Энтелехийность методик преподавания — это целостное овладение основами мастерства в обучении чтению, говорению, аудирования в единстве и взаимосвязи, повышающей эффективность и продуктивность языково-коммуникативных навыков при формировании нового языкового потенциала личности через постижения её истории, дискуссии, споры, анекдоты, сочинения, рецензии и аннотации, способствующих развитию коммуникативной компетенции на иностранном языке, умению творчески овладеть речевой ситуацией, влияющей на развитие социокультурной наблюдательности с применением метода «культурных капсул», а также чувством времени с разветвленным диапазоном описания традиций, связанной с картиной мира страны изучаемого языка, диапазоном общественных отношений» в данной стране и их отражении в национально-специфических особенностях коммуникативного взаимодействия на разных языках. Релевантным смысловым компонентом в постижении человеком окружающего мира может стать иностранный язык, с его опытом, традициями и диапазоном понимания новизны, семантическим потенциалом, принципиальными языковыми расхождениями в разных языках, с предметным миром, включающим концептуальные бытовые реалии и, как говорил Ф.Д.Е. Шляйермахер, «с талантом познания отдельного человека» (работа «Герменевтика»). Особого внимания заслуживают сравнительно-сопоставительные методы развития социо-культурной компетенции, а также методы «аудио-мотора» и использования типологии проблемных культуроведческих заданий, направленных на развитие лингвострановедческой, социолингвистической и культуроведческой наблюдательности. Борис Норм в книгах «Лингвистические задачи» (2006) и «Игра на гранях языка» (2006) включил всевозможные разновидности языковых игр, понимаемых весьма широко, начиная от приёмов общения, передачи информации, самовыражения, развлечения, удивления и других феноменов человеческой среды обитания, вплоть до оригинальных лингвистических задач, этимологических шарад и этимологического юмористического словаря. Язык, как посредник между фактом и идеей, вырывает человека через иностран-

ный язык из привычного культурно-исторического контекста, выводит за границы круга, очерченного кругом истории, окружающей средой, языком и культурой национальной среды. Метафизическое состояние мультилингвальной личности, по Карлу Ясперсу, «призывает нас к безграничной коммуникации», к преодолению узости отдельной «замкнутой в себе историчности», стремлению видеть и понимать другие языки и культуры. Ибо только это помогает уяснить самого себя. Г. Померанц в работе «Выход из транса» подчеркивал ценность «сердечной готовности к диалогу культур» и «единству разных вер и культур», мы добавим, целого ряда языков. Мультилингвизм, будучи особым лингвистическим феноменом, предполагает наличие многомерной языковой реальности и особое отношение к языку, как к развивающемуся жизненному потоку, где культура и жизнь объединены в равновесной гармонии. Безусловно, мультилингвизм связан с проблемой поступка, с проблемой ценностей состояния и теми ценностями, которые, по Ф. Степуну в творческом акте объективируются и полагаются, как ценности «предметные», привычные трансцендентальные ценности культуры. Многоязычие личности предстает особым языковым синтезом мировоззренческого плана, ориентированным на мир культурных ценностей и конкретную жизнь, объединяет науку, искусство и жизнь в единстве ответственности. И многоязычие — это всегда событие и со-бытие по расширению кругозора миров культуры в индивидуальном опыте. В работе «Семантические универсалии и описание языков» А. Вежбицкая отмечала: «Каждый язык образует собственную семантическую вселенную. Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура»²¹.

Смысловый каркас любого языка формируют общие смысловые категории, в русском языке Н.Ю. Шведова выделила 20 таковых: одушевленность, действие, состояние, предмет, мера, место, время и др. Эти категории формируют наиболее абстрактный уровень языковой картины мира. Установлено, что культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

Проблемы лингвистической культурологии решали Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, Э. Сепир, Н.И. Толстой, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Е.Ф. Тарасов. Наша кайротопическая концепция энтелехийности мультилингвизма включает в свой эвристический потенциал опыт оригинальной теории языковых гештальтов, высказанную Дж. Лакоффом, понимавшего гештальты, как глубинные содержательные единицы языка, составляющих основу воспринимаемой человеком действительности. Это и есть суть универсальные представления глубинных пластов человеческой психики, то целое, лежащее вне категориальных рамок естественного языка и являющего собой выражение трансцендентального опыта. Наблюдения над постижением феномена языковой личности у Й. Вайсгербера, В.В. Виноградова, А.А. Леонтьева, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, О.Б. Сиротининой, Т.В. Кочетковой, Т.Н. Снитко, Ю.Е. Прохорова, В.В. Красных и других подтверждают это утверждение. В их работах языковая личность предстала с позиций описательных методов: ценностных, деятельностных, функционалистских, герменевтических (как вместилище информации), нормативного (лотмановский подход) и другие.

Огромное количество методологических трудностей возникает при описании практических приемов. Мультилингвальный опыт реализует верховные ценности путем культивирования высших человеческих достоинств. Он творит многообразие в условиях неравенства, не стремясь к унификации и стандарту, утверждая индивидуальную неповторимость в рамках многоязычия. Переходя от потенции к организованно проявленной энергии слова, содержащей в себе свою материальную субстанцию, причину самой себя и цель своего движения и развития, мультилингв осуществляет полноту своего бытия, используя безграничность смыслов слова как действенное орудие творческой жизни. Энтелехия, как внутренняя сила нашего познания, заставляет нас восходить на многоязыкий Олимп, идти по пути, невзирая на то, каким бы он ни был тернистым. И всякий новый, изученный нами язык, сокращает эту дорогу, ускоряя наше продвижение к цели между Сциллой превратностей методов и Харибдой нашей памяти, доказывая нашу причастность к абсолютному, энтелехийному существованию. Чтобы познать другой язык, надо двинуться ему навстречу и воплотить свою мечту. И тогда мы начнем обживать язык, как дом уже нашего бытия.

²¹ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 322.

Список литературы:

1. Быков В. Русская Феня. Траст. Имаком, 1994.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
3. Виттгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
5. Гумбольдт В.Ф. О различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человечества. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998.
8. Малахов В.С., Филатов В.П. Современная западная философия. М., 2001.
9. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
10. Прозорова Н.И. Театр // Культурология. Энциклопедия. Т. 2. М., 2007. С. 649-658.
11. Финк О. Основные феномены человеческого бытия. Проблема человека в западной философии. Переводы. М., 1988.
12. Флоренский П. У водораздела мысли. Черты конкретной метафизики. М.: Правда, 1990.
13. Фриауф В.А. Язык. Сознание. Человеческая реальность. Абсолютное другое. Саратов: Научная книга, 2005.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
15. Хотинская Г.А. След кометы: О божьем даре Светланы Гайер и ее тяге к бессмертию. Bad Kleinen, 2011.
16. Шпетт Г.Г. Эстетические фрагменты. Соч. М., 1989.
17. Штуккерт А.Н. Педагогическое образование в системе национальной школы немцев Поволжья. Саратов, 1998.
18. Austin J. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
19. Baudrillard J. La system des objrts. P., 1968.
20. Betti E. Hermeneutik. Tuebingen, 1967.
21. Chomsky N. Cartesian linguistics. N.Y.-L., 1966.
22. Chotinskaja G. "Späte deutsche Aufklärung an der Wolga" // Volk auf dem Wege. 1998. № 6. S. 39.
23. Davidson D. Essays on Actions and Events, 1985.
24. Eco U. Looking for a logic culture // Times Literary Supplement. Oct. 5. 1973.
25. Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart, 1960.
26. Gadamer H.G. Die Aktualität des Schönen. Heidelberg, 1977.
27. Heidegger M. Von der Sprache des Denkens. Vortrag, 1959.
28. Humboldt W. Schriften zur Sprache. B., 1973.
29. Khotinskaya-Kalies G. Russische Ostasienforschung // Mitteilungen der Humboldt-Gesellschaft für Wissenschaft, Kunst und Bildung. Folge 37. October 2005.
30. Khotinskaya-Kallies G. Der wissenschaftliche Beitrag Russlanddeutschen zur russischen Ostasienforschung. // Heimatbuch 2003. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. 2003. S. 116-118.
31. Oase des Glücks. Gedanken zu einer Ontologie des Spiels. Freiburg. München, 1957.
32. Ortega-Y-Gasset I. Gesammelte Werke. Stuttgart, 1954. Bd. 111. S. 416.
33. Ricoeur. P.Tempt et le recit. 1983-1986. Bd. 1, 11, 111. P. 94.
34. Rosenzweig F. Das neue Denken. In der Morgen, 1(1925), Heft 4. S. 152.
35. Sloterdijk P. Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Suhrkamp Verlag, 2006.
36. Weinrich H. Tempus, besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

References (transliteration):

1. Bykov V. Russkaya Fenya. Trast. Imakom. 1994.
2. Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov. M., 1999.
3. Vittgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya // Filosofskie raboty. Ch. 1. M.: Gnosis, 1994.
4. Gadamer. Kh.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki. M., 1988.
5. Gumbol'dt V.F. O razlichii stroeniya yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovechestva. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu. M., 1984.
6. Kotarbinskiy T. Traktat o khoroshey rabote. M., 1975.

7. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. SPb: Aleteyya, 1998.
8. Naysser U. Poznanie i real'nost'. M., 1981.
9. Prozorova N.I. Teatr // Kul'turologiya. Entsiklopediya. T. 2. M., 2007. S. 649-658.
10. Fink O. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya. Problema cheloveka v zapadnoy filosofii. Perevody. M., 1988.
11. Florenskiy P. U vodorazdela mysli. Cherty konkretnoy metafiziki. M.: Pravda, 1990.
12. Friauf V.A. Yazyk. Soznanie. Chelovecheskaya real'nost'. Absolyutnoe drugoe. Saratov: Nauchnaya kniga, 2005.
13. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. M., 1977.
14. Khotinskaya G.A. Sled komety: O bozh'em dare Svetlany Gayer i ee tyage k bessmertiyu. Bad Kleinen, 2011.
15. Shpett G.G. Esteticheskie fragmenty. Soch. M., 1989.
16. Shtukkert A.N. Pedagogicheskoe obrazovanie v sisteme natsional'noy shkoly nemtsev Povolzh'ya. Saratov, 1998.
17. Austin J. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
18. Baudrillard J. La system des objrts. P., 1968.
19. Betti E. Hermeneutik. Tuebingen, 1967.
20. Chomsky N. Cartesian linguistics. N.Y.-L., 1966.
21. Chotinskaja G. "Späte deutsche Aufklärung an der Wolga" // Volk auf dem Wege. 1998. № 6. S. 39.
22. Davidson D. Essays on Actions and Events, 1985.
23. Eco U. Looking for a logic culture // Times Literary Supplement. Oct. 5. 1973.
24. Fink E. Spiel als Weltsymbol. Stuttgart, 1960.
25. Gadamer H.G. Die Aktualität des Schönen. Heidelberg, 1977.
26. Heidegger M. Von der Sprache des Denkens. Vortrag, 1959.
27. Humboldt W. Schriften zur Sprache. B., 1973.
28. Khotinskaya-Kalies G. Russische Ostasienforschung // Mitteilungen der Humboldt-Gesellschaft für Wissenschaft, Kunst und Bildung. Folge 37. October 2005.
29. Khotinskaya-Kallies G. Der wissenschaftliche Beitrag Russlanddeutschen zur russischen Ostasienforschung. // Heimatbuch 2003. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. 2003. S. 116-118.
30. Oase des Glücks. Gedanken zu einer Ontologie des Spiels. Freiburg. München, 1957.
31. Ortega-Y-Gasset I. Gesammelte Werke. Stuttgart, 1954. Bd. 111. S. 416.
32. Ricoeur. P.Tempt et le recit. 1983-1986. Bd. 1, 11, 111. P. 94.
33. Rosenzweig F. Das neue Denken. In der Morgen, 1(1925), Heft 4. S. 152.
34. Sloterdijk P. Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Suhrkamp Verlag, 2006.
35. Weinrich H. Tempus, besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.